

Оглавление

Глава 1. Убийство не по статусу	5
Глава 2. Залечь на дно в Порт Ауэрто	29
Глава 3. Исчезнуть с радаров в Лондоне	62
Глава 4. Скрыться из Борсханы	77
Глава 5. Буря в тихой заводи	98
Глава 6. Кого не отпускает прошлое?	125
Глава 7. Дирижабль над арабской сказкой	143
Глава 8. Маори больше не каннибалы	156
Глава 9. Кто стреляет первым, умирает вторым	175
Глава 10. Змеи стойбища Бахра	192
Глава 11. Как увидеть невидимку	211
Глава 12. «Черный леопард» на тропе мести	223
Глава 13. Перестрелка на Побережье Бродяг	245
Глава 14. Охота на акулу	270
Глава 15. В мире опасных тайн	301
Глава 16. Аукцион: жизнь, смерть — продано!	319
Эпилог	381

Глава 1

Убийство не по статусу

Как бы ни был человек велик, богат и могуществен, если выстрелить ему в голову, он умрет, как простой бедняк.

Наблюдение киллеров

Свой последний рассвет он встречал, сидя в ротанговом кресле, отделанном добытыми им самим акулыными зубами, на четвертой палубе своей любимой яхты «Ориент», известной не только яхтсменам и любителям водных путешествий, но и всему правящему и деловому истеблишменту планеты. Все знали, что это самая ценная игрушка шейха Ахмеда бен Касима, даже более любимая, чем уникальный дирижабль «Звезда Африки», выигранный им на странном пари, о сути которого мало кто знал. Именно в «Ориент» он вкладывал не только бешеные деньги, что не удивительно для олигарха такого уровня, но и свою загадочную восточную душу, внешних проявлений которой он никогда не демонстрировал, оградив столь нематериальную категорию, как внутренний мир, панцирем внешней невозмутимости, выполнявшей свою роль так же успешно, как броня швейцарских, люксембургских и арабских сейфов обеспечивала сохранность его вполне материальных капиталов.

Он действительно был очень богат. Жадная молва утверждала даже, что металлические желтые буквы, образующие на белоснежных бортах и корме название судна, отлиты из чистого

золота, что было неправдой, — точнее, вполне допустимым добросовестным заблуждением, ибо «Ориент», даже в ряду аналогичных атрибутов преуспевания, принятых в кругу финансовых магнатов высшего уровня, был нафарширован всякой инженерией с заметным избытком. Понятно, что солнечными батареями, лифтами, эскалаторами и подводной комнатой обзора с прозрачными стенками нынче никого не удивишь — так же, как вертолетом на кормовой посадочной площадке, форсированными двигателями и прочими аналогичными прибамбасами... Да и небольшая субмарина, ждущая своего часа в шлюзе носового ангара, не является уникальной — такая имеется и в «Черной жемчужине», и в «Золотом бризе», и в «Лунном затмении», и еще в нескольких строящихся на немецких и голландских стапелях яхтах... Но системой искусственного интеллекта, соединенной с автопилотом и спутниковым навигатором, похвастаться пока не мог никто!

И сейчас «Ориент» вел именно автомат, что являлось одной из странностей сегодняшнего утра. Но не единственной. Экипаж и обслуживающий персонал судна составляли двенадцать человек, но вокруг не было видно ни одного. Даже не сводившие с него глаз телохранители, которых шейх не любил держать возле себя, не наблюдали за ним, как обычно, из какого-нибудь укрытия. Матросы не убирали со всегда стерильной тиковой палубы бьющихся или уже сдохших летучих рыб, а отменно выученная прислуга не спешила заменить белоснежную, обычно идеально отглаженную джалабию босса на одну из десятка свежих, ожидающих в платяном шкафу... Эти вроде бы мелочи, незаметные глазу обычного человека, не могли происходить в окружении шейха Ахмеда бен Касима, который жил вне усредненной обыденности, в особом, невероятно фешенебельном измерении, с четко прописанными и безусловно исполняемыми правилами.

Миллиардное состояние, дворцы и виллы по всему свету, яхта за восемьсот миллионов долларов и дирижабль ценой

в миллиард, друзья из числа богатейших людей планеты и влиятельные политики, среди которых были даже руководители некоторых государств, — все это образовывало его мир, истекающий жиром власти, словно отборный ростовский рыбец, и сверкающий богатством, как открытый сундук с бриллиантами, испускающими ослепительно-острые красно-бело-зеленые лучи...

Признанные красавицы и знаменитейшие дамы планеты спали с ним за такой гигантский гонорар, который исключал даже мысль о проституции, — напротив, подтверждал самую искреннюю и чистую братско-сестринскую любовь, которой могла позавидовать даже идеально-безупречная Золушка — образец скромности, порядочности и бескорыстия из классической сказки... В непорочность отношений и помыслов верили даже мужья временных возлюбленных шейха. Или, по крайней мере, очень искусно делали вид, что верили...

А про донской рыбец рассказала не сказочная, а настоящая русская Золушка, когда он пытался удивить ее самой дорогой в мире «латиновой» икрой белуги-альбиноса на борту дирижабля, принадлежащего тогда еще мировому алмазному королю и его хорошему приятелю и партнеру Джелани Афолаби. Тот собирался жениться на Золушке, друзья даже заключили пари, поставив на кон самые дорогие свои игрушки — «Ориент» и «Звезду Африки»... Женитьба сорвалась: Золушка, вильнув хвостом, как хитроумная пустынная ящерица Ягури из восточных мифов, оставила кандидата в мужья с носом и закопалась в песок, не оставив на поверхности даже следа¹. Джелани проиграл, а Ахмед выиграл, но судьба не дала им времени огорчаться и радоваться: Афолаби вскоре казнили за подлинную или мнимую государственную измену, а бен Касим...

Несметные богатства и неограниченная власть окружали его, как шар, искусно сплетенный из золотых проволочек,

¹ Упоминаемые прошлые события описаны в романах «Лабутены для Золушки» и «Алмазы для Золушки».

украшенных драгоценными камнями, и ограничивающий ту сферу высшего общества, где вращаются редкие, уникальные персоны, которых во всем мире можно перечесать по пальцам и которые этим миром управляют... Здесь не бывает места мелочам, вроде небольшой прорехи в слегка примятой и утратившей парадно-выходной вид одежде. И главной сегодняшней странностью являлась одна деталь, настолько чуждая сфере обитания этих сверхлюдей, что даже казалась непристойной, — выкидной нож «Корсиканец», рукоятка которого торчала из сантиметрового разреза в джалабии шейха между третьим и четвертым ребром слева и который стоил в любой портовой лавке три доллара восемьдесят пять центов, если, конечно, в этот день не случилась распродажа с пятидесятипроцентными скидками. Это было не только странно и непонятно, но даже необъяснимо!

Конечно, любой человек смертен, причем, как подчеркивалось в известном русском романе, смертен внезапно, однако цена жизни фигуры такого уровня на весах судьбы должна быть соразмерна цене смерти: для нее адекватным финалом может стать только событие эпохального масштаба — всемирный потоп; извержение Везувия, уничтожившее Помпеи; потрясшая мир и изменившая представление о безграничном всемогуществе катастрофа «Титаника»; взрыв (тьфу-тьфу) атомной бомбы, столкновение с астероидом... А стойкий всего жалких несколько долларов «Корсиканец», уравновесивший, тем не менее, чашу с миллиардными активами, бросал вызов статусу миллиардера, да и всему установленному миропорядку олигархов высшего звена, в котором обычная «шестерка» никак не может бить козырного туза! Это нарушало все нормы принятой здесь морали и понятий о справедливости!

Заинтересованные лица и те, кто был приближен к их кругу, помнили трагическую гибель Томаса Дэвис-Вилсона, держащего на своих отнюдь не богатырских плечах половину финансовой системы мира. По официальной версии, он умер

от разрыва сердца, в конечном счете так оно и было, только первопричиной тому стала пуля калибра 10,6 мм, выпущенная из винтовки «Баррет 99» с расстояния 1600 метров и это сердце разорвавшая! Уникальный выстрел, выполненный так и не найденным специалистом, которых в мире можно пересчитать по пальцам, но которые отнюдь не рекламируют свои способности, а наоборот — всячески их скрывают, по экспертным оценкам обошелся в полтора миллиона долларов. И все, сострадая усопшему, со скорбным уважением приняли эту штучную, виртуозную и дорогую работу, которая подтверждала масштабность и величие бедняги Дэвиса-Вилсона... Но «Корсиканец» был плевок в лицо высшего общества!

Несомненно, жизнь Ахмеда бен Касима имела право быть оборванной и клинком, но обязательно соответствующим статусу одного из финансовых столпов планеты! У Афолаби, которого тоже достаточно неожиданно повесили на расклеивание орлам, имелась джамбия из старинного булата, украшенная сапфирами и изумрудами, купленная на аукционе «Кристис» за полтора миллиона долларов... В каирском музее хранится кинжал Тутанхамона из метеоритного железа в золотом окладе, который не только не продается, но вообще не имеет цены... И если бы один из подобных драгоценных артефактов торчал из груди шейха Ахмеда бен Касима, то все стало бы на свои места: чаши весов уравновесились и ситуация была бы воспринята с горестным пониманием. Но не склепанное же на скорую руку дешевое «перо» марсельской босоты имело наглость перечеркнуть высшие ценности мира избранных!

«Ориент» со средней скоростью двенадцать узлов уверенно шел среди островов Полинезийского архипелага. Дул легкий прохладный ветерок, кипящий золотом солнечный круг поднялся над горизонтом, яркие блики весело плясали на зеркальной бирюзовой поверхности Тасманова моря. Его обитатели начинали новый день: неподалеку резвились киты — взмахнув огромными хвостами, ныряли, а вынырнув, с шумом выдыхали, освобождая легкие и выбрасывая

фонтаны воды и водяного пара; где-то внизу, в темных глубинах, незримо закручивали свои смертельные петли самые большие в мировом океане белые акулы, среди которых Ахмед бен Касим рассчитывал найти и загарпунить чудом сохранившегося с доисторических времен мегалодона, украсив свою биографию очередным рекордным трофеем; энергично вылетали на свет затомившиеся в океанской толще летучие рыбы, но быстро убеждались, что полет — не их призвание, и если не разбивались о рубку «Ориента», со всплесками возвращались в родную стихию... Над яхтой кружились чайки, то ли ленящиеся ловить летающую рыбешку, то ли предпочитающие ей человеческую еду, остатки которой обычно достаются после завтрака, но сейчас почему-то никто не торопился их кормить... Наверное, птицы тоже видели в этом досадную странность...

Шейх бен Касим, не шурясь, смотрел открытыми глазами на солнце, но эта аномальность уже не казалась более странной, чем все остальные. В его каюте и в кармане джалабии разрывались телефоны: доверенные менеджеры со всего мира спешили сообщить деловые новости. Но на них никто не обращал внимания, тем более что вокруг никого и не было.

Среагировала на многочисленные странности только интеллектуальная система автопилота: не получив в течение определенного времени никаких команд, она расценила это как чрезвычайное происшествие и, изменив курс, направила «Ориент» в ближайший достаточно крупный порт — Ауэрто ла Пейро. Одновременно мощный передатчик начал передавать в эфир сигнал бедствия и свои координаты.

* * *

Порт Ауэрто ла Пейро был хотя и не столицей Новой Зеландии, но, несомненно, жемчужиной Северного острова¹,

¹ Новая Зеландия расположена на двух больших островах — Южном и Северном, разделенных проливом и окруженных несколькими сотнями маленьких островов.

особенно в старой части, возле рыбацкой бухты. Домики старинной постройки — одноэтажные кубы и узкие, вытянутые вверх двух-трехэтажные прямоугольники, беленые фасады желтого и белого цветов, кое-где облупившиеся до самого темно-красного кирпича, узкие окна-бойницы, красные черепичные крыши... Дома первой линии стоят плотно, буквально наваливаясь или, как говорят, «сидя на головах» один у другого, словно фанаты рока на концерте «Бешеных Псов», за ними возвышается собор, который на их фоне кажется огромным, возможно, не только из-за размеров, но и из-за высокой белой башни-колокольни, контрастно выделяющейся на фоне покрытых зеленью гор и перечеркивающей их своим величием...

Может, правда, собор воспринимается так благодаря своей значимости, а размеры и башня здесь ни при чем, хотя он действительно высокий и широкий. Круглое окно под углом сходящейся двускатной крыши напоминает всевидящее око, как будто храм свысока рассматривает площадь внизу, на которой располагались почта, банк, полицейский участок и бар «Веселый попугай», полукруглую бухточку с прозрачной бирюзовой водой, в которой отражаются белые фасады окружающих строений, морщащиеся из-за легкой ряби. Отражению домов немного мешают стоящие на якорях шверботы да широкие рыбацкие баркасы — это гавань маломерных судов, почти у центральной площади и вдали от грузового и пассажирского портов. Тут же небольшой пляж, который на самом деле и не пляж вовсе — сюда вытаскивают лодки для осмотра и мелкого ремонта: заделывают щели паклей и битумом, смолят днища, подгоняют и меняют уключины...

Но когда площадка свободна, никто не гонит расположившихся на ней загорающих и купающихся: это гости, приехавшие на пару дней и не знающие местных порядков. Сейчас, правда, не купальный сезон, и здесь сидел на вынесенной из ближайшего дома низенькой табуретке старейший

житель городка по прозвищу Старый Педро, который все обычаи и традиции знал и поддерживал, стараясь сохранять в них испанские корни.

Живописный морской городок стоял на берегу Андалузского мыса, похожего на выступающий из воды хребет огромного дракона, спящего, по легендам маори, в глубине одноименной бухты. Их названия напоминали о тех далеких временах, когда сюда, для исправления и перевоспитания, ссылали с материка особо опасных каторжников, и этот мыс с бухтой облюбовали для себя темпераментные, а потому осужденные, в основном, за насильственные преступления испанцы, которые в коротких, но жестоких стычках отбили понравившуюся территорию у английских и французских товарищей по несчастью.

За минувшие века ссыльные если и не перевоспитались, то исправились и сейчас были известны мирными и законными занятиями: добычей угля и серебра, рыболовством и животноводством, виноделием, производством оливкового масла и засолом рыбы. Превосходные анчоусы и плотные красные вина из Ауэрто ла Пейро, которые хорошо пить под оливки с пармезаном, стали известны всему миру.

Многочисленные национальности перемешались, большинство населения составляли англичане, а испанцы давно утратили верховенство, с чем Старый Педро никак не хотел мириться, а потому считал, что ничего такого и не произошло. Но факт есть факт. О прошлом напоминали только знаменитые испанские навахи с широкими, вырезанными хищной «щучкой», клинками, которые теперь носили все подряд. Когда-то большие навахи лишь немногим уступали по длине тем мечам, которые, если верить арии Дон Жуана, наряду с серенадами постоянно звенели от Севильи до Гренады в тихом сумраке ночей... Носили их, как и век назад, за широким кушаком, словно отдавая дань национальной привычке, хотя надо сказать, что двойниками мечей уже давно не увлекались — навахи стали обычными карманными но-

жами и использовались преимущественно в хозяйственных целях: выпотрошить рыбу, зарезать и разделать овцу, починить упряжь, настругать щепок для костра... Фехтование на улицах и площадях, когда обмотанная плащом левая рука играет роль щита, а правая сжимает «андалузскую шпагу», выжидая момент для смертельного выпада, кануло в Лету, хотя старинная поговорка: «Наваха еще никому не помешала, а помогла многим» — сохранилась до наших дней...

И действительно, случалось, что характерный многозубчатый фиксатор клинка раскрываемой навахи трещал угрожающе, как «погремушка» гремучей змеи, предупреждающей о нападении: хотя за прошедшие века андалузские нравы смягчились, драки, к несчастью, иногда все же вспыхивали — из-за девушек, карточных долгов, непродуманного слова, дерзкого взгляда или других смертельно опасных мелочей... Потому что кроме национальных ножей рыболовы и виноделы сохранили суровые характеры, резкие манеры и привычку рассчитывать в сложных ситуациях не на закон, а на себя самого. Правда, местные полицейские обладали теми же качествами да в придачу восемнадцатизарядными «береттами» — то и другое помогало им поддерживать порядок в порту Ауэрто ла Пейро. Да еще мастодонты чести вроде дона Педро, которые всегда стояли за закон и порядок, хотя эти понятия они часто не считали тождественными и понимали по-своему.

— А как ты думаешь — приехал к нам и сразу стал алькадом¹? — сварливо нравоучал Старый Педро нового жителя — мужчину лет тридцати, неловко стоящего перед авторитетным старожилом и вздумавшего поделиться с ним своими трудностями да попросить совета, как лучше устроиться на новом месте. Такое решение было не очень удачным.

Чужаков здесь не то чтобы не любили, просто особенно не привечали, да и не особенно — тоже: местные отлича-

¹ Алькад — городской глава в Испании.

лись консерватизмом, сдержанностью и замкнутостью, склонности заводить новые знакомства за ними не водилось. В Новую Зеландию приезжало много туристов со всего света, они отдыхали, в основном, на Северном острове, где проживало большинство новозеландцев, располагались столица и курортная зона; но желающих остаться на постоянное жительство, как правило, не находилось: слишком далеко от остального мира, вдобавок существовало столь же распространенное, сколь и дремучее убеждение, что в нижнем на глобусе полушарии Земли все волей-неволей ходят вниз головой, хотя этого и не чувствуют... Убежденность часто оказывается сильнее реальности и физических законов: многие приезжие ощущали свою «перевернутость», и им было не по себе, тем более что природные странности тут действительно имелись: например, на Северном острове было теплей, чем на малонаселенном Южном, где находились, в основном, промышленные объекты, сельские хозяйства, деревни маори — исконных обитателей островов и знаменитый грузовой порт Ауэрто ла Пейро, связывающий государство со всем остальным миром. Туристов здесь почти не было, плотность населения низкая, вокруг шестьсот островов, многие — необитаемые, — тихое место, идеальное для того, кто хочет скрыться от шума цивилизованного мира и затеряться в глуши... Но в зрелом возрасте люди, в основном, уже устроили свою жизнь и не склонны менять ее без особых причин... Так что за последние пару лет в порту Ауэрто ла Пейро осели на постоянное жительство только несколько десятков вновь прибывших.

Большинство иммигрантов были малоимущими неудачниками, пригнанными шальным ветром неблагоприятных обстоятельств, и занимались они тяжелым неквалифицированным трудом, для которого среди местных желающих не находилось.

— Поэтому, мучачо¹, — продолжал Старый Педро, опираясь подбородком на сложенные поверх набалдашника

¹ Мучачо — мальчик, юноша (*исп.*).

трости ладони, — поработай сначала на угольной шахте, в каменоломне или грузчиком в порту — там всегда нужны рабочие руки... А потом, когда покажешь, чего ты стоишь, будет видно...

Одет был старожил, как и следовало ожидать, в стиле родины своих предков: черный пиджак, брюки и туфли, клетчатая сине-белая рубашка, красный шейный платок, черная шляпа с низкой тульей и твердыми широкими полями, широкий красный кушак, за которым торчала обязательная наваха, размером с локоть в сложенном состоянии. Правда, в современной Испании такой наряд трудно встретить за пределами театральных сцен, но это дона Педро не смущало. Его вообще мало что смущало, и нынешняя роль просветителя мигрантов ему нравилась.

— Образования-то, небось, у тебя нет? И монет, как я понимаю, тоже?

Просвещаемый мрачно развел руками.

— Меня зовут Том, а не какая-то мучача! — обиженно сказал он и пошатнулся. Похоже, что он уже изрядно выпил. — С образованием и монетами чего бы я ехал на край света!

— Вот то-то и оно! Кстати, погляди-ка вон туда...

Иссушенный возрастом палец указал в сторону «Веселого попугая», точнее, на вышедшую из него стройную и красивую брюнетку с прической каре, которая, задержавшись на пороге, говорила что-то почтительно склонившему голову официанту — китайцу по имени Ли.

— Это Оливия Уоллес, провинциальная английская учительница, они с мужем приехали три года назад. Пожили в Австралии, привыкли к климату, изучили местную жизнь, обычаи — они у нас сходны... Только у них было то, чего у тебя нет. Я имею в виду не только образование и деньги! И вот, пожалуйста, — она открыла бар, продает самые вкусные пирожные в городе, и дела идут совсем неплохо!